

Александр Иванович Куприн

Травка

Александр Иванович Куприн

Травка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2524585

Аннотация

«Ах, это старая история и, надо сказать, довольно скучная история. Конечно, читателям незаметно. Читатель спокойно, как верблюд, переваривает в желудке пасхальный окорок или рождественского гуся и, для перехода от бодрствования к сладкому сну, читает сверху донизу свою привычную газету до тех пор, пока дрема не заведет ему глаз. Ему легко...»

Александр Иванович Куприн Травка

Ах, это старая история и, надо сказать, довольно скучная история.

Конечно, читателям незаметно. Читатель спокойно, как верблюд, переваривает в желудке пасхальный окорок или рождественского гуся и, для перехода от бодрствования к сладкому сну, читает сверху донизу свою привычную газету до тех пор, пока дрема не заведет ему глаз. Ему легко.

Ничто не тревожит его воображения, ничто не смущает его совести, никто не залезает под благовидным предлогом ему в карман.

В газете порок наказан, добродетель торжествует, сапожный подмастерье нашел благодаря родимому пятнышку своих родителей, мальчик, замерзавший на улице, отогрет попечительными руками, блудная жена вернулась домой (она исхудала и в черном платье) прямо в объятия мужа (пасхальный колокол – бум!..), который проливает слезы.

Но вы, читатели, подумали ли вы хотя раз о тех мучениях, которые испытывает человек, пишущий эти прекрасные добродетельные рассказы!..

Ведь, во-первых, все темы уже исчерпаны, пародии на те-

мы надоели, пародии на пародии отсылают в «Момус»... Подумайте: что тут изобретешь?..

У меня есть друг беллетрист, из средних, который не гонится ни за успехом, ни за модой, ни за деньгами...

И вот как-то на страстной неделе, не помню – в среду, четверг или пятницу, вечером, попили мы с ним чайку, поговорили о том, о сем, коснулись содержания сегодняшних газет, но я уже видел, что мой приятель чем-то удручен или взволнован.

Очень осторожно, стараясь не задеть его авторского самолюбия, я довел его до того, что он рассказал мне следующее:

– Понимаете? Можно с ума сойти! Приезжает ко мне редактор. Подумайте, сам редактор! И что всего хуже – мой настоящий, хороший друг...

– Ради бога, пасхальный рассказ!

Я ему оказываю самое широкое гостеприимство, справляюсь о здоровье его детей, предсказываю его газете громадную будущность, – стараюсь занять его внимание пустяками; понятно, цель моя была отвлечь его от настойчивых просьб о пасхальном рассказе.

Но неизбежное – неизбежно: он возвращается к тому, за чем он приехал.

– Ради бога, рассказ!

Я кротко и убедительно верчу пуговицу его пиджака и самым нежным голосом говорю ему:

– Дорогой мой... милый!.. Ты сам писатель и не хуже меня

знаешь, что все пасхальные темы уже использованы.

– Хоть что-нибудь... – тянет он уныло.

– Ей-богу, ничего!..

– Ну, хоть что-нибудь!.. Хоть на старенькую темку строк триста – четыреста!..

Нет, от него не отвязаться. Обмакиваю перо в чернильницу и говорю сквозь сжатые зубы:

– Давай тему!

– Тему? Но это для тебя пустяки!..

– Давай хоть заглавие!.. Помогите же, черт тебя побери!..

– Ну, заглавие – это пустяк!.. Например: «Она вернулась».

– К черту!..

– «Яйцо сосватало».

– К черту!.. —

– «Весенние иллюзии».

– К черту!..

– «Скворцы прилетели».

– Мимо!..

– «Когда раскрываются почки».

– К черту!.. Милый мой, разве сам не видишь, что все это – опаскуженные темы. И потом: что это за безвкусие делать заглавие рассказа из существительного и глагола? «О чем пела ласточка»... «Когда мы мертвые проснемся»... А в особенности для ходкой газеты. Дай мне простое и выразительное заглавие из одного существительного!..

– Из существительного?..

– Да, из существительного.

– Например... «Чернильница»?!

– Стара штучка! Использовал Пушкин: «К моей чернильнице».

– Ну, хорошо. «Лампа».

– Друг мой, – говорю я кротко, – только очень близорукие люди выбирают для примеров и сравнений предметы, стоящие возле них!..

Это задевает его за живое, и он сыплет как из мешка:

– «Будка», «Кипарис», «Пале-Рояль», «Ландыш», «Черт в ступе». Не нравится? Ну, наконец, «Травка»?..

– Ага, «Травка»?.. Стоп!.. Это уже нечто весеннее и на пасху хорошо. Давай-ка подумаем серьезно о травке!..

И мы думаем.

– Конечно, это очень приятно, такая зелененькая, нежная травка... точно гимназистка приготовительного класса! Надо любить все: зверей, птиц, растения, в этом – красота жизни! Но черт побери: какой сюжет я отсюда выдавлю?! Ведь всякий рассказ должен быть начат, продолжен и закончен, а я просто говорю: травка зеленая! Ведь читатель пошлет опровержение в редакцию!

У приятеля лицо вытягивается. Я говорю ему самым нежным голосом:

– Подожди... не отчаивайся! Травок много, возьмем «Кресс-салат»...

– «Кресс-салат»? – повторяет он уныло, как деревянный

попугай.

– Да, «Кресс-салат»! – кричу я, уже охваченный творчеством, тем вдохновением, о котором так много говорят провинциальные читатели. – Представь себе безногого бедняка, который вдруг снял потный валенок, унавозил его, посыпал землицей и бросил зерна... И вот к пасхе у него всходит прекрасная зеленая травка, которую он может срезать и, приготовив под соусом, скушать после пасхальной заутрени! Разве это не трогательно?

– Ты смеешься надо мною! Это подло! Как я явлюсь к издателю без твоего рассказа?

– Ну, хорошо... давай дальше! Собаки лечатся травками...

– Извини, пожалуйста, это уже относится к области ветеринарии!

– Представь себе вкусную душистую травку, которую едят на Кавказе в духанах. Отсюда легко перейти к Зелим-хану! Понимаешь? Ест он барашка с травкой... вспоминает свой мирный аул, слезы текут по его щекам, изборожденным старыми боевыми ранами... И вдруг он говорит пленному полицейскому офицеру, отпуская его на волю: «Иды... кушай травкам... будет тебе пасхам!» Чего ты еще хочешь, черт тебя*побрал бы?! Ну, вот: «Олень копытом разбивает лед, пока не найдет прошлогодней травы... бедные олешки!» Ну, как я выпутаюсь, черт побери, из этого Нарымского края! Нужно будет ввести политического ссыльного, но ведь цен-

зура...

– Цензура!.. – промолвил редактор печально. Потом он немножко помолчал, вздохнул, взял шляпу и стал уходить.

Но вдруг он остановился и обернулся ко мне.

– Заважничал... модернист!.. – бурчал он, открывая дверь. – По-моему, это с твоей стороны свинство! Ты несомненно издеваешься над искусством. Травка... травка... травка... травка!.. А по-моему, надо подходить к вопросу проще...

Я догнал его уже в передней, когда он, рассерженный, всовывал свои ноги в калоши и надевал шляпу.

– Надо писать серьезно... – говорил он. – Конечно, я не обладаю даром, как ты, и наитием... Но если бы я писал, я написал бы просто. Помнишь, как мы с тобой, – тебе было одиннадцать лет, а мне десять, – как мы ели с тобой про-свирки и какие-то маленькие пупырушки на огороде детской больницы?

– Конечно, помню! Дикое растение!

– А помнишь молочай?

– Ах, ну, конечно, помню! Такой сочный стебель с белым молоком.

– А свербигус? Или свербига, как мы ее называли?

– Дикая редька?

– Да, дикая редька!.. Но как она была вкусна с солью и хлебом!

– А помнишь: желтые цветы акации, которыми мы наби-

вали полные с верхом фуражки и ели, как лошади овес из торбы?

– А конский щавель?

Мы оба замолчали.

И вдруг пред нами ярко и живо пронеслись наша опозоренная казенным учебным заведением нежность... пансион... фребелевская система... придирки классных наставников... взаимное шпионство... поруганное И вдруг пред нами ярко и живо пронеслись наша опозоренная казенным учебным заведением нежность... пансион... фребелевская система... придирки классных наставников... взаимное шпионство... поруганное детство...

– А помнишь, – сказал он и вдруг заплакал, – а помнишь зеленый, рыхлый забор? Если по нему провести ногтями, следы остаются... Возле него растут лопухи и глухая крапива... Там всегда тень и сырость. И по лопухам ползают какие-то необыкновенно золотые, или, вернее сказать, бронзовые жуки. И красные с черными пятнами коровки, которые сплелись целыми гирляндами.

– А помнишь еще: вдруг скользнет луч, заиграет роса на листьях?... Как густо пахнет зеленою! Не отойдешь от этого московского забора! Точно брильянты, горят капли росы... Длинный, тонкий, белый червяк, выворачивая землю, выползает наружу... Конечно, он прекрасен, потому что мы насаживали его на согнутую булавку и бросали в уличную лужу, веря, что поймаем рыбу! Ну, скажи: разве можно это

написать? Тогда мы глядели ясными, простыми глазами, и мир доверчиво открывался для нас: звери, птицы, цветы... И если мы что-нибудь любим и чувствуем, то это только жалкое отражение детских впечатлений.

– Так, стало быть, рассказа не будет? – спросил редактор.

– Нет, я постараюсь что-нибудь слепить. А впрочем... Ну разве все то, о чем мы говорили, – не рассказ? Такой в конце концов наивный, простой и ласковый?..

Редактор обнял меня и поцеловал.

– Какой ты... – сказал он, но не закончил, глаза его увлажнились, и он, быстро повернувшись, ушел, сопровождаемый веселым лаем Сарашки и Бернара, моих милых друзей – сен-бернарских песиков, – которым теперь обоим по пяти месяцев...